Братья Гримм

Всякий сброд

Сказал петушок курочке:
— Сейчас самая пора, когда поспевают орехи. Давай-ка отправимся с тобой на гору и хоть разок да наедимся досыта, пока их не утащила белка.
— Хорошо, — говорит курочка, — пойдем, давай вместе с тобой полакомимся.
И пошли они вместе на гору, — а было еще совсем светло, — и остались там до самого вечера. Ну, я уже не знаю, то ли наелись они до отвала, то ли так возгордились, но, коротко говоря, не захотели домой пешком возвращаться. И вот сделал петушок из ореховой скорлупы возок. Когда возок был готов, курочка села в него и говорит петушку:
— А ты впрягайся и вези меня.
— Да что ты придумала? — сказал петушок. — Нет, уж лучше я пешком домой пойду, а впрягаться не стану, такого уговора у нас не было. Я, пожалуй, согласен сидеть за кучера на козлах, но тащить возок на себе — это дело никак не пойдет.
Спорят они между собой, а в это время закрякала на них утка:
— Эй вы, воры, кто это вам дозволил на моей горе по орешнику лазить? Погодите, плохо вам придется! — и с разинутым клювом она стала подступать к петушку.
Но и петушок, не будь ленив, клюнул крепко утку и ударил ее своими шпорами, да так сильно, что стала она просить пощады; и вот в наказанье пришлось ей впрячься в возок.
Сел петушок вместо кучера на козлы и стал ее погонять:
— Но-о, утка, беги поживей!
Проехали они немного и повстречали по пути двух пешеходов: булавку и иголку. И кричат они: «Стой, стой!», и говорят, что скоро, мол, стемнеет и станет так темно, что хоть глаз выколи, и тогда уж им не двинуться дальше; что дорога-де очень грязна, так нельзя ли им будет подсесть на возок; говорят, что были они у ворот портновской харчевни, да задержались: пиво распивали.
Видит петушок, что людишки они худые, много места не займут, вот и позволил им влезть на возок, но взял с них зарок, что они не будут наступать на ноги ни ему, ни курочке.
Поздно вечером прибыли они в гостиницу, а так как ночью ехать они не пожелали, да и утка к тому же все ноги себе пообтоптала — еле с ноги на ногу переваливалась, то заехали они туда на ночлег.
Хозяин сначала не хотел было их пускать: дом-де весь полон гостей и места свободного нету, но потом подумал, что люди они, мол, незнатные, речи ведут приятные, а яйца ему были нужны — их снесла по дороге курочка, да и утку можно будет у себя придержать — она тоже неслась каждый день, — вот и согласился он, наконец, пустить их на ночлег. Велели они подать себе ужин и зажили припеваючи.
А наутро, чуть свет, когда все еще спали, разбудил петух курочку, взял яйцо, надклевал его, и съели они его вдвоем, а скорлупу бросили в горящую печь. Потом подошли к иголке, — та еще спала, — взяли ее за ушко и воткнули в подушку хозяйского кресла, а булавку — в полотенце, а сами взяли и улетели в поле, ни слова никому не сказавши.
Утка, та любила спать на свежем воздухе и осталась потому во дворе; вдруг слышит — летят они, шумят крыльями, и тоже спохватилась, нашла какой-то ручеек и поплыла вниз по течению, — да куда быстрей, чем когда тащила возок.
А часа через два вылез хозяин из-под своей пуховой перины, умылся и хотел было вытереть себе лицо полотенцем, но булавка как царапнет его по лицу, так и оставила красную полосу от уха до уха. Пошел он тогда на кухню, хотел было раскурить трубку, подходит к печи, а тут как прыгнут ему в глаза яичные скорлупки.
— Не везет мне нынче с утра, — сказал он, раздосадованный, и сел в дедовское кресло, но как подскочит вверх, как завопит:

— Ой-ой-ой!
Но иголка, та была похитрей, — уколола его не в голову. Тут он и совсем рассердился, стал подозревать во всем своих гостей, прибывших вчера так поздно вечером; он пошел посмотреть, где они, а их уж и след простыл.
И поклялся он тогда больше не пускать к себе в дом всякий сброд: ест он много, да мало платит, да еще вместо благодарности всякими проделками занимается.